

The background of the cover is a detailed illustration of a village scene in autumn. On the left, a large tree with red apples and yellowing leaves stands prominently. In the center, three women are walking along a path. The woman on the left wears a green coat and a red scarf, looking towards the right. The woman in the middle is older, with white hair, wearing a grey knitted coat and a plaid skirt, walking away from the viewer. The woman on the right wears a yellow coat and a colorful headscarf, pointing her finger towards a building. To the right, there are wooden houses with blue and green siding and blue door frames. House numbers 7, 8, and 9 are visible on the doors. In the background, a small wooden building with a sign that reads 'ШКОЛЬНЫЕ МАСТЕРСКИЕ' (School Workshops) is visible. The ground is covered with fallen leaves and some pumpkins are in the foreground.

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

Паспорт Яблоневого двора

Следствие ведут духи

— —
Книга 8

— Уютный мистический детектив —

Виктор Алеветдинов

**Книга 8. Следствие ведут духи.
Паспорт яблоневого двора**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Книга 8. Следствие ведут духи. Паспорт яблоневого двора /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Вера приехала в деревню N всего на три дня — помочь с яблоками и отдохнуть от чужих просьб. Но в яблоневом дворе исчезают новые адресные таблички, под ними проступают старые номера, а в заброшенной школьной мастерской вдруг звонит отключенный телефон. Женский голос спрашивает: «Паспорт двора у вас?» Сначала это похоже на деревенскую странность или чей-то злой розыгрыш. Но Вера, Олеся и Настасья Петровна быстро понимают: за путаницей с адресами скрыта давняя имущественная подмена. Три пожилые хозяйки рискуют потерять не только дома, но и право самим решать, что для них важно: переезд, ремонт, сад, сарай или память Анны Кузьминичны, которую когда-то тоже не слышали. Чтобы остановить удобную для всех схему, Вере придется найти пропавший документ, проверить старые планы и сделать самое трудное — не говорить за тех, кого она хочет защитить.

Содержание

Глава 1. Паспорт двора у вас?	5
Глава 2. Комиссия приходит не туда	10
Глава 3. Три списка, четыре поправки и один сарай	16
Глава 4. Коробки Раисы Павловны	21
Глава 5. Эмалированная девятка	27
Глава 6. Яблоки по старой меже	33
Глава 7. Дом, который хочет уехать	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Книга 8. Следствие ведут духи.

Паспорт яблоневого двора

Глава 1. Паспорт двора у вас?

Олеся постучала так, будто моя дверь в чём-то провинилась перед всей деревней N. Я проснулась не сразу. Сначала решила, что это ветка скребёт по стене, потом вспомнила, что ветка у моего маленького домика росла с другой стороны, а так нагло умеют только люди с новостями.

За окном стояло серое сентябрьское утро. В печке ещё сохранялось вчерашнее тепло, на стуле лежала кофта, а у кровати валялась сумка, из которой ночью выпала тетрадь. Я приехала в деревню на три дня: помочь Настасье Петровне с яблоками, посидеть с Марией Ивановной и сделать вид, что умею отдыхать без чужих просьб и странных дел, которые сами приходят к крыльцу.

— Вера! — позвала Олеся. — Открывай. Тут такое, что без тебя даже сплетня не складывается.

— Если это про козу, я не встаю, — сказала я, натягивая носки.

— Не про козу. С яблоневого двора таблички сняли.

Я открыла дверь. Олеся стояла на крыльце в куртке поверх домашнего платья и держала кружку обеими руками.

— Какие таблички?

— Новые адресные. Пластиковые, которые им перед расселением прикрутили. С трёх домов исчезли. Аккуратно исчезли, с шурупами и без совести.

Из комнаты вышла Мария Ивановна. Она была в платке и тёплой кофте, хотя обычно утром сначала проверяла чайник, а потом мир.

— Жители что говорят?

— Всё сразу, — ответила Олеся. — Раиса Павловна говорит, что это знак. Тамара Никитична — что подростки. Валентина Егоровна сказала, что, если подростки умеют откручивать, пусть теперь крышу прикрутят обратно.

Я вздохнула и посмотрела на свои галоши у порога.

— Мы только посмотрим. Ничего не обещаю. В спор о расселении не лезу.

Олеся улыбнулась радостно.

— Конечно. Ты у нас осторожная. Особенно первые три минуты.

До яблоневого двора было недалеко. Деревня просыпалась медленно: у заборов блестела влага, из труб тянулся дым. Мария Ивановна шла рядом и молчала. Накануне она сказала, что хочет увидеть людей, пока они ещё дома. Теперь эта фраза догнала меня на мокрой дороге.

У калитки Настасьи Петровны нас ждали. Хозяйка стояла в телогрейке и с корзиной яблок.

— Разбудили? — спросила она.

— Олеся умеет, — сказала я.

— Я стучала культурно, — возразила Олеся. — Если бы некультурно, Вера вышла бы вместе с дверью.

Настасья Петровна оглядела меня.

— В моих галошах пошла?

— Они первые попались.

— Они тебе велики.

— Зато уверенные.

— Уверенность у них была до тебя, — сказала Настасья Петровна. — Пошли. Только там сразу версий не раздавай. Люди и так взвинчены.

Я промолчала. Возражать было бы смело даже для раннего утра.

Яблоневый двор начинался за поворотом, где улица чуть уходила вниз. Три старых дома стояли одной линией, за ними тянулся сад, а в глубине виднелась заброшенная школьная мастерская. На стенах белели пятна от снятых пластиковых табличек. Новые адреса исчезли, а под ними проступили старые эмалированные номера.

У первого дома Валентина Егоровна Климова привязывала к гвоздю бумажку: «12Б». Буква съехала вниз, и номер выглядел временным и чужим. У второго дома Тамара Никитична Рыбакова крепила картонку с номером «14» бельевой прищепкой. У третьего, самого опрятного, Раиса Павловна Зорина стояла с линейкой и школьным мелом.

На лавке у забора стояла майонезная банка с шурупами и дюбелями. На ней была бумажка: «Не трогать. Вещественное».

— Раиса Павловна? — спросила я.

— А кто ещё тут грамотность спасает, — сказала Олеся.

Раиса Павловна услышала своё имя и обернулась. Она стояла прямо, как на уроке, где весь класс виноват, но ещё не понял в чём.

— Вера? Внучка Марии Ивановны?

— Да. Доброе утро.

— Добрым оно было до шести сорока. Потом Тамара Никитична пошла выпускать кур и обнаружила административное безобразие.

— Куры тоже обнаружили, — сказала Тамара Никитична. — Орали так, будто им теперь по новому адресу зерно выдавать будут.

— Вы лучше скажите, что комиссия найдёт, — сказала Валентина Егоровна. — Они и с табличками путались. Без табличек вообще к яблоне придут, галочку поставят и уедут.

— Комиссия когда? — спросила я.

— Послезавтра, — ответила Раиса Павловна. — Предварительный осмотр. У нас теперь всё предварительное потом оказывается окончательным.

Я подошла к первому дому. Под светлым прямоугольником от пластика виднелась старая эмалированная семёрка.

— Это раньше был ваш номер?

— Был, — сказала Валентина Егоровна. — Когда я сюда замуж пришла, висела семёрка. Потом переименовали. Потом ещё раз. На прошлой неделе прикрутили 12Б. Я спросила, почему не 12А. Мне ответили: так в схеме. Я сказала, что схема без совести. Они не записали.

У второго дома под свежими дырками проступала восьмёрка. У Раисы Павловны — девятка, выпуклая, с отколотым краем. Семь, восемь, девять. Старый порядок выстраивал дома в одну линию. Новые адреса раскидали их как клетки в чужой таблице.

— Подростки, — уверенно сказала Тамара Никитична. — Вчера на остановке трое крутились. Один в капюшоне, второй с телефоном, третий от меня быстро ушёл, потому что воспитанный.

— Почему сразу подростки? — спросила Мария Ивановна.

— Потому что взрослый, если пакость делает, ищет выгоду. А подростку достаточно впечатления.

Настасья Петровна присела у стены и посмотрела на мокрую землю.

— Снимали ночью или рано утром. Шурупы чистые. После дождя так не бывает.

— У вас салон или следственный отдел? — спросила Тамара Никитична.

— У меня маникюр, — ответила Олеся. — После него люди тоже любят говорить, что само отвалилось. Ничего само не отваливается, если вчера было прикручено.

Я сфотографировала старые номера, следы крепежа и банку с шурупами. Потом достала телефон для записок и почти убрала. Телефон заставлял торопиться. Здесь надо было не торопиться.

— Я могу записать факты, — сказала я. — Когда заметили, что снято, кто видел посторонних, какие номера были раньше. Но я не комиссия и не юрист. Вопрос расселения я не решаю.

— А кто решает? — спросила Валентина Егоровна. — Нас уже решили или ещё спрашивают?

На это у меня не нашлось хорошего ответа. Именно поэтому я промолчала.

— Записывайте, — сказала Раиса Павловна. — Только не делайте из нас один общий случай. У каждого дома своя беда.

Мария Ивановна посмотрела на меня так, что я поняла: это надо запомнить сразу, а не после ошибки.

— Согласна, — сказала я. — Сначала по каждому отдельно.

— Вот и хорошо, — сказала Настасья Петровна. — А теперь посмотри туда.

Она кивнула на старую яблоню у прохода между домами. На стволе висел лист в файле. Чернила поплыли, но верхняя строка читалась: «Уведомление о предварительном осмотре». Ниже стоял адрес, который не совпадал с нумерацией домов. В конце было написано: «свободная территория».

— Свободная? — Тамара Никитична фыркнула. — Это Аннина яблоня свободная? Она сейчас свободно яблоком по голове даст.

— Аннина? — спросила я.

Раиса Павловна резко сняла файл со ствола.

— Анна Кузьминична Левина. Жила здесь давно. Умерла двадцать семь лет назад. Не надо сейчас.

— Почему не надо? — мягко спросила Мария Ивановна. — Раз уж уведомление прибили к её яблоне.

Раиса Павловна прижала файл к груди и отвернулась. В этот момент со стороны школьной мастерской раздался телефонный звонок.

Обычный, старый, резкий. Только мастерская стояла закрытой много лет. Окна были заколочены, дверь перекошена, а связи там давно не было.

Первый звонок все выслушали. На втором Валентина Егоровна перекрестилась. На третьем Олеся поставила кружку прямо на землю.

— Он отключён, — сказала Раиса Павловна.

— Откуда знаете? — спросила я.

— Я сдавала мастерскую, когда её закрывали. Провод обрезали. Там ничего нет.

Звонок оборвался. Мы стояли и смотрели на серую постройку за яблонями. Потом телефон зазвонил снова.

— Может, дети залезли, — сказала Тамара Никитична. — Сейчас ради ролика и покойника из шкафа достанут, если лайков мало.

— Окна заколочены, — сказала Валентина Егоровна.

— В любой закрытой постройке дырка найдётся быстрее, чем ответственный, — отрезала Тамара Никитична.

Я пошла к мастерской. Олеся оказалась рядом. Настасья Петровна шла за нами и была готова остановить меня за воротник.

Дверь мастерской была заперта на навесной замок. У порога лежала мокрая трава, на скобе висела паутина. Звонок бил изнутри, коротко и упрямо.

— Ключ у кого? — спросила Настасья Петровна.

Раиса Павловна догнала нас, тяжело дыша, и достала связку.

— У меня. Должен был быть дома, но оказался в кармане.

— Учительские карманы всё помнят, — сказала Олеся.

Раиса Павловна вставила ключ. Замок повернулся не сразу, с долгим скрежетом. Дверь открылась на ладонь и упёрлась во что-то тяжёлое. Мы навалились втроём. Внутри протащился по полу шкаф, и щель стала шире.

Из мастерской пахнуло пылью, старым деревом и ржавым железом. Свет проходил через щели в заколоченных окнах. У стен стояли верстаки, на одном лежала струбцина, под другим валялась табуретка без ножки. У дальней стены на столе стоял бежевый дисковый телефон. Провод уходил к коробке на стене и там обрывался. Конец кабеля был замотан старой изоляцией.

Телефон зазвонил у меня на глазах. Диск чуть дрогнул, внутри аппарата застрекотало, и звук разнёсся по пустой мастерской так уверенно, словно связь здесь никто и не отключал.

— Не берите, — сказала Раиса Павловна.

— Если не взять, он будет звонить, — ответила Олеся с порога. — А я уже начинаю понимать, почему люди переезжают в город.

Настасья Петровна посмотрела на меня.

— Если берёшь, первой не спрашивай.

— Почему?

— Потому что не ты звонишь.

Я подняла трубку. Сначала в ней трещало. Потом щёлкнуло, будто включили старую запись, и женский голос произнёс отчётливо:

— Паспорт двора у вас?

Я молчала. Голос повторил:

— Паспорт двора у вас?

После этого в трубке послышался короткий вздох, и связь оборвалась. Я медленно положила трубку на рычаг.

— Что сказали? — спросила Мария Ивановна, которая уже стояла у двери.

Раиса Павловна ответила раньше меня. Она смотрела на телефон и побелела так, что даже строгая складка у губ исчезла.

— Это Анна Кузьминична. Её голос.

— Левина? — спросила я.

Раиса Павловна кивнула.

— Да. Она так говорила. Каждое слово отдельно. Я бы узнала.

Настасья Петровна подошла к столу, но к телефону не прикоснулась.

— Голос мог быть записью. Аппарат могли подключить для розыгрыша. Таблички могли снять руками. Пока это только повод проверить.

— Я понимаю, — сказала Раиса Павловна, но по лицу было видно, что понимает она не всё и не хочет понимать сразу.

Я присела у стола. Под ним лежали пыль, старый карандаш и мёртвый удлинитель. Никакого скрытого телефона не заметила. Но я не была электриком, а мастерская не обязана была выдавать секреты.

— Что за паспорт двора? — спросила я.

Раиса Павловна провела пальцами по крышке верстака и оставила в пыли полосы.

— Школьный проект. Дети делали его много лет назад. «Паспорт яблоневого двора». Старые номера, семьи, сад, проходы, колодец, мастерская. Фотографии, схемы, рассказы жильцов. Я вела эту работу.

— Где материалы?

Она насторожилась.

— Часть у меня. В коробках. Часть осталась в школе, когда всё закрывали. Часть могла пропасть.

— Анна Кузьминична участвовала?

— Да. Она тогда говорила не о доме, а о линии сада. Мы, глупые, думали, что это старческое упрямство. Простите, — Раиса Павловна резко выдохнула. — Я сама сейчас говорю как те, кого всегда ругала.

Мария Ивановна вошла в мастерскую и остановилась рядом со мной.

— Старших часто начинают обсуждать так, будто они уже вышли из комнаты. Даже если они стоят рядом.

Путаница с номерами оказалась частью старой истории. Валентина Егоровна и Тамара Никитична стояли у входа, а их дома, номера и яблони надо было проверять по людям, дому и саду.

Мы вышли из мастерской. На домах белели следы новых табличек. Под ними проступали семь, восемь и девять. Бумажные временные адреса болтались криво и только усиливали беспорядок.

Я достала из сумки тетрадь. Ту самую, которая утром выпала на пол. На первой чистой странице написала дату, время и место. Потом остановилась. Очень хотелось сверху вывести: «Дело яблоневого двора». Звучало уверенно для людей, которые ещё не просили меня их защищать.

Я написала проще: «Таблички. Первый осмотр».

— Я запишу только факты, — сказала я. — Когда заметили пропажу, какие старые номера открылись, где висело уведомление, что было в мастерской. Версию про подростков тоже проверим. И телефон проверим обычным способом.

— Это почти все люди, — сказала Олеся.

— Спасибо за поддержку.

— Я же для точности.

Настасья Петровна взяла у меня тетрадь, посмотрела на заголовок и вернула.

— Так лучше. Не называй дело раньше людей.

Раиса Павловна всё ещё держала мокрый файл с уведомлением.

— Коробки я покажу, — сказала она. — Но не сегодня и не всем сразу. И не для того, чтобы за нас решили.

— Хорошо, — ответила я. — Как скажете.

Валентина Егоровна спросила:

— А если комиссия придёт раньше?

— Тогда мы хотя бы будем знать, что именно спрашивать, — сказала я.

Мария Ивановна поправила мне рукав кофты, как в детстве перед школой.

— Сначала спрашивать, Вера. Потом помогать.

Телефон в мастерской больше не звонил. Дверь оставили приоткрытой. Куры Тамары Никитичны снова заговорили о своём, трактор на соседней улице чихнул и завёлся. С яблони упало ещё одно яблоко и стукнулось о землю у прохода между домами.

Я посмотрела на старые номера. Семёрка, восьмёрка и девятка не объясняли, кто снял пластик и зачем принёс шурупы в банке. Отключённый телефон не доказывал ни преступления, ни чуда. Но слово «паспорт» не помещалось в один дом и одну табличку. Оно тянуло за собой весь двор: яблони, мастерскую, старые проходы и людей, которых легко было записать в приложение к чужому решению.

Глава 2. Комиссия приходит не туда

К позднему утру яблоневый двор выглядел так, будто готовился не к комиссии, а к деревенскому спектаклю с плохими декорациями. Валентина Егоровна повесила номер 12Б в файл. Тамара Никитична заменила картонку на крышку от коробки из-под печенья. Раиса Павловна принесла синюю папку, линейку и лицо учительницы, перед которой весь класс виноват.

Я сидела на лавке и заполняла тетрадь. В первой строке значилось: «таблички сняты утром, обнаружены около 6:40». Дальше шли старые номера: 7, 8, 9. Потом новые адреса, записанные со слов жильцов. Тетрадь стала похожа на документ человека, который плохо спал и не доверяет даже ручке.

— У тебя почерк стал официальный, — сказала Олеся, заглянув через плечо. — Сразу видно: человек не лезет в дело.

— Я фиксирую.

— У тебя «фиксирую» — это первая стадия «потом сама не рада».

Мария Ивановна помогала Валентине Егоровне ровнее привязать файл. Не командовала, а держала край, пока хозяйка сама завязывала узел.

Настасья Петровна принесла две старые дощечки с номерами 7 и 8. Раиса Павловна пообещала написать девятку «не как объявление о продаже картошки», и Тамара Никитична впервые почти улыбнулась. Но по улице ехала белая машина с эмблемой районной администрации. Машина останавливалась у каждого второго забора и явно заблудилась.

— Сейчас они приедут к козам и спросят, почему у них нет согласия на расселение, — сказала Олеся.

Машина остановилась у дома Прохоровых через дорогу. Из неё вышли женщина в светлом плаще с планшетом, мужчина с папкой и молодой человек в куртке. Женщина уверенно подошла к калитке Прохоровых и постучала по табличке «Осторожно, собака». Собака честно залаяла.

Из дома вышел дед Григорий с кружкой.

— Вам чего?

Женщина посмотрела в планшет.

— Предварительный осмотр домовладения 12Б.

— Я не 12Б. Я Григорий.

— По схеме здесь 12Б.

— По моей схеме здесь я, — сказал дед Григорий. — А 12Б вон там бумажкой машет.

Валентина Егоровна подняла руку так устало, будто опять знала ответ, но жалела. Комиссия двинулась к нам. Женщина с планшетом шла первой. Мужчина с папкой держал лицо человека, которому деревня мешает попасть в правильный кабинет. Молодой человек улыбался и от этого выглядел виноватым заранее.

— Добрый день, — сказала женщина. — Предварительный осмотр в рамках программы переселения. Кто здесь ответственный?

— За что? — спросила Тамара Никитична.

— За присутствие собственников.

— Я за кур отвечаю. За собственников пусть каждый сам.

Олеся кашлянула в кулак. Я тоже удержалась.

— Меня зовут Вера. Я записываю факты по просьбе жителей. Утром обнаружили снятые таблички. Есть путаница с номерами.

Женщина посмотрела настороженно.

— Вы представитель?

— Нет.

— Юрист?

— Нет.

— Тогда давайте не будем мешать процедуре.

Я открыла рот, но Мария Ивановна коснулась моего локтя. Пришлось закрыть обратно. Молодой человек сделал шаг вперёд.

— Дмитрий Корвин, районная социальная служба. Я сопровождаю осмотр, чтобы всё прошло спокойно. Мы понимаем, что для пожилых людей перемены тревожны.

Валентина Егоровна подняла брови.

— Молодой человек, я пожилая, а не маленькая. Со мной можно без колыбельной.

Дмитрий покраснел.

— Простите. Я не это имел в виду.

— Вот и хорошо, — сказала Раиса Павловна. — Теперь имейте в виду то, что говорите. Женщина с планшетом перешла к делу.

— Дом 12Б. Климова Валентина Егоровна?

— Это я. Только дом у меня раньше был седьмой. И на стене он до сих пор седьмой, если смотреть глазами, а не планшетом.

Под светлым пятном от снятого пластика виднелась старая эмалированная семёрка. После сырости цифра проступала ярче, синий ободок будто вымыли.

— Старый номер не имеет значения для текущей процедуры, — сказал мужчина с папкой.

— Для вашей процедуры не имеет, — ответила Настасья Петровна. — Для двери имеет. В неё люди ходили по этому номеру лет сорок.

— Мы работаем по актуальной адресации.

— А ходите куда попало, — сказала Тамара Никитична.

Женщина сверилась со схемой и попросила показать второй дом. У Тамары Никитичны крышка с номером 14 стучала о стену, а под следами от новой таблички светилась восьмёрка.

— Здесь по схеме 14, — сказала женщина.

— По схеме, может, и четырнадцать. А курятник у меня где по схеме?

— Курятник не входит в предмет осмотра.

— Он вообще во многое не входит, но стоит на месте с семьдесят девятого года.

Дмитрий снова попытался быть мягким.

— Тамара Никитична, давайте сейчас не будем волноваться. Вы нам просто покажете вход.

— Я не волнуюсь. Я злюсь. Это разные услуги.

Олеся попросила записать эту фразу для салона. Я записала другое: комиссия сверяет новые адреса, старые номера не учитывает. Потом добавила: 7, 8, 9 совпадают с фактической линией домов. Ручка поставила кляксу на слове «линии», и я получила синее пятно, словно печать неудавшегося секретаря.

У третьего дома Раиса Павловна повесила дощечку с девяткой, но старая эмалированная цифра под ней проявилась так ясно, что дощечка выглядела лишней. Мужчина с папкой представился Виктором Андреевичем из отдела имущества и попросил не создавать препятствий осмотру.

— Не создавайте препятствий пониманию, — ответила Раиса Павловна.

Дмитрий снова вмешался:

— Раиса Павловна, мы же вам помогаем. Для вас подготовят удобный порядок, всё объяснят простыми словами.

Учительница сняла очки.

— Дмитрий, я сорок один год объясняла простыми словами дробь тем, кто делил яблоко на троих и пытался съесть четыре части. Не надо готовить для меня отдельный язык.

Дмитрий опустил глаза к папке. Он хотел как лучше, но каждый раз звучало так, будто перед ним не совсем взрослые люди.

Женщина с планшетом спросила об уведомлении. По её данным оно должно было висеть «на границе свободной территории». Все повернулись к яблоне.

— Уведомление было здесь, — сказала я и показала на ствол. — Утром Раиса Павловна сняла файл, чтобы он не размок.

— Это невозможно, — сказал Виктор Андреевич. — Свободная территория не может находиться на дереве.

— А уведомление смогло, — сказала Олеся.

Женщина подошла к яблоне. С ветки сорвалось яблоко и упало почти у её туфель. Она отступила, планшет пискнул.

— Аккуратнее, — сказала Тамара Никитична. — Это свободная территория выражает мнение.

Мария Ивановна засмеялась, но Виктор Андреевич юмора не оценил.

— Давайте без народного театра.

— Мы бы рады, — сказала Олеся. — Но у вас реквизит сам приехал.

Я посмотрела на яблоню. Старый гвоздь торчал в коре низко. За стволом начинался проход к мастерской. Именно здесь утром прозвонил отключённый телефон, здесь старые номера складывались в линию, сюда комиссия пыталась поместить «свободную территорию».

— Можно копию уведомления? — спросила я у Раисы Павловны.

— Сфотографируйте. Оригинал оставлю у себя.

— Правильно, — сказала Мария Ивановна. — Бумаги любят уходить туда, где их потом никто не видел.

Я сфотографировала файл. Адрес не совпадал ни с одним домом. В строке объекта стояло: «земельный участок, свободная территория, прилегающая к домовладению 12Б». На фотографии за текстом просвечивала кора яблони. Получалась свободная территория с листьями, яблоками и тремя хозяйками за спиной.

Комиссия попыталась продолжить осмотр. По схеме вход в дом Валентины Егоровны должен был находиться с другой стороны. Там оказался закрытый проход между яблонями и старой мастерской.

— Здесь указан доступ, — сказала женщина с планшетом.

— Был доступ, — ответила Валентина Егоровна. — От колодца ходили. Потом загородили, когда новые бумаги пошли.

— Кто загородил?

— Все понемногу. Один столб поставил, другой сетку натянул, третий сказал, что так удобнее. А теперь никто не виноват.

Настасья Петровна пошла к проходу и показала на утопанную траву.

— Вот здесь ходили ногами. Видите землю? Она ниже. А в вашей схеме тут, небось, пусто.

Женщина посмотрела на экран.

— В схеме здесь граница.

— По бумаге граница, — сказала Настасья Петровна. — А ходят тут ногами.

Фраза вышла простой, но после неё все замолчали. Даже Виктор Андреевич. Я записала почти дословно и добавила: старый проход совпадает с точкой уведомления и мастерской.

Дмитрий подошёл ко мне.

— Вера Сергеевна, можно вас на минуту?

Мы отошли к забору. Олеся сделала вид, что не слушает, но кружку прижимала так, чтобы слышать лучше.

— Я понимаю вашу обеспокоенность, — сказал Дмитрий. — Но жителям важно пройти процедуру без лишнего напряжения.

— Они уже нервничают, потому что комиссия приходит не туда.

— Адресная путаница бывает в старых населённых пунктах.

— Здесь не просто путаница. Уведомление висело на яблоне внутри двора. Старые номера идут подряд, новые разрывают линию. Проход исчез в бумагах.

Дмитрий устало потёр переносицу.

— Вы говорите как активист.

— Это плохо?

— Это мешает спокойному решению.

— Чьему спокойному?

Он не ответил. За его спиной Валентина Егоровна объясняла женщине, что крыльцо у неё не «входная группа», а крыльцо. Раиса Павловна поправляла Виктора Андреевича каждый раз, когда он называл двор участком.

— Один дом действительно в плохом состоянии, — сказал Дмитрий тише. — Валентине Егоровне опасно зимовать там. Вы же видите.

Я видела. Крыльцо просело, нижние брёвна потемнели, у окна шла трещина. Это не отменяло странностей, но и не исчезало из-за них.

— Вижу. Поэтому надо спрашивать её, чего она хочет. А не говорить за всех сразу.

Дмитрий посмотрел на меня внимательнее.

— Вот именно. Не говорите за всех.

Мне стало неприятно. Я могла спорить с его формальностями, но сейчас он сказал правду. Я почти начала собирать из трёх домов одну общую позицию, потому что так удобнее.

К нам подошла Мария Ивановна.

— Дмитрий, а вы у них самих согласие спрашивали?

— Проводилось информирование.

— Я не про информирование. Я про согласие.

Он замялся.

— Есть предварительные отметки в документах.

— Отметка — это не голос, — сказала Мария Ивановна.

Дмитрия позвала женщина с планшетом. По схеме следующий объект находился за мастерской. В реальности за мастерской были лопухи и тропинка, по которой, как сказала Тамара Никитична, «ходят смелые, глупые и администрация».

Через минуту из-за мастерской донёсся голос Виктора Андреевича:

— Здесь тупик.

— В схеме нет тупика, — ответила женщина.

— Зато в жизни есть, — сказала Олеся и посмотрела на меня. — Запиши. Жизнь снова нарушила схему.

Я записала. Уже без улыбки. Ошибки комиссии повторялись не где попало. Сначала чужой двор через дорогу. Потом яблоня с уведомлением. Теперь проход у мастерской. Всё упиралось в одну точку, где старый общий двор был разрезан на новые адреса.

Когда комиссия вернулась, её уверенность заметно устала. Женщина попросила перенести осмотр «после уточнения доступа». Виктор Андреевич сказал, что это не отменяет процедуры. Раиса Павловна потребовала внести в акт несоответствие схемы фактическому расположению домов.

— Мы подготовим замечания, — сказала я. — По каждому дому отдельно. И попросим копии уведомлений.

Виктор Андреевич посмотрел на меня с выражением, которое чиновники берегут для людей с тетрадами.

— Вы уполномочены?

Я вдохнула, чтобы сказать лишнее, но Валентина Егоровна опередила меня.

— Она записывает. А уполномочена я. Это мой дом, пока вы его в своём планшете не потеряли.

— И я, — сказала Тамара Никитична. — Только пишите: я не против осмотра, я против того, чтобы меня находили через лопухи.

Раиса Павловна сказала последней:

— Я требую копии всех уведомлений и схему, по которой яблоня стала свободной территорией.

Виктор Андреевич убрал папку под мышку.

— Ваши обращения будут рассмотрены в установленном порядке.

— Установленный порядок сегодня три раза заблудился, — сказала Олеся. — Может, ему тоже карту дать?

Комиссия уехала ближе к обеду. Машина снова остановилась у дома Прохоровых, сдала назад и развернулась с третьей попытки. Дед Григорий поднял кружку, словно провожал редких гостей, которые наконец нашли выход.

Мы вернулись к дому Настасьи Петровны. На столе стоял чайник, но к еде никто не бросился. Я разложила тетрадь, фотографии и переписанное уведомление.

— Значит, вопросы, — сказала я. — Почему новые адреса не совпадают со старой линией домов. Почему уведомление оказалось на яблоне. Почему в схеме есть доступ там, где сейчас тупик.

— И кто спрашивал людей о согласии, — сказала Мария Ивановна. — Не информировал, а спрашивал.

Я записала.

Настасья Петровна поставила чашку перед Валентиной Егоровной, но не подвинула близко.

— А теперь каждая скажет сама. Не хором.

Валентина Егоровна долго грела ладони о чашку.

— Я не хочу там зимовать. Дом плохой. Дочь зовёт ближе к себе. Но я хочу понять, что мне дают и что забирают. И яблоню Анны просто так под свободную территорию не отдам.

Тамара Никитична села прямее.

— Я хочу независимую экспертизу. Мой дом ещё постоит, если руки приложить. И сарай хочу в бумагах увидеть. Половина его моя по жизни, а по схеме он ничей. Ничейное у нас быстро становится чьим надо.

Раиса Павловна сложила руки на папке.

— Я хочу сохранить двор. Не музей и не картинку для праздника. Двор как память и как доказательство. Но за Валентину Егоровну решать не буду.

Я смотрела на три записи и чувствовала, как мой простой план разваливается. Хотелось сделать общий список, одну понятную позицию, красивую фразу для комиссии. А передо мной лежали три разные правды. Они были.

Дмитрий Корвин вернулся неожиданно. Мы услышали шаги на крыльце, потом осторожный стук. Настасья Петровна открыла. Он стоял без папки, с телефоном в руке.

— Извините. Виктор Андреевич просил передать, что повторный осмотр назначат после уточнения схемы. И ещё... Я проверил по своим данным. В предварительном реестре согласия на расселение уже считаются полученными.

Валентина Егоровна медленно поставила чашку.

— Кем считаются?

Дмитрий посмотрел сначала на неё, потом на Тамару Никитичну и Раису Павловну. Улыбаться он больше не пытался.

— Системой. По отметкам после информирования.

Мария Ивановна сказала:

— Вот теперь и спрашивайте сначала.

Я перевернула страницу тетради. Вверху написала: «Согласия». Рядом поставила вопросительный знак. За окном яблоня стукнула веткой по стеклу, и старые эмалированные номера в моей памяти снова выстроились подряд, упрямо и ясно, как три ответа, которые никто ещё не записал правильно.

Глава 3. Три списка, четыре поправки и один сарай

К вечеру главным оказался чистый лист. На нём легко было снова собрать людей в удобную колонну. Лист лежал передо мной на столе в Олесином салоне и подталкивал к порядку, который мог обидеть живых людей.

Олеся освободила салон от всего лишнего, но он всё равно оставался салоном. У стены стояло кресло для стрижки, на подоконнике сохли кисточки, у зеркала лежала коробка с заколками. На маленьком столе между чашками поместились моя тетрадь, три ручки и печенье, которое Валентина Егоровна назвала «для нервов». Нервы печенье не спасало, но занимало руки, и это было полезно.

Настасья Петровна не пришла. Сказала, что у неё к вечеру яблоки сами себя в ящики не переложат, а если мы опять начнём говорить хором, она всё равно услышит через улицу и придёт ругаться. Это звучало как угроза и как форма заботы одновременно.

За столом сидели Раиса Павловна, Валентина Егоровна и Тамара Никитична. Мария Ивановна устроилась ближе к двери, чтобы не давить присутствием, но видеть всех. Олеся сначала хотела налить чай, потом посмотрела на лица женщин и поставила чайник рядом. Впервые за день она не пошутит там, где могла. Это было заметнее любой шутки.

— Нам нужен общий список вопросов, — сказала я. — Чтобы завтра не спорить на ходу и не давать комиссии увести разговор. Я предлагаю записать главное: несоответствие адресов, уведомление на яблоне, старые номера, проход к мастерской и согласия, которые у них уже где-то считаются полученными.

— Хорошо, — сказала Раиса Павловна. — Главный пункт: сохранить яблоневый двор.

Я быстро написала: «Сохранить двор».

— Подождите, — сказала Валентина Егоровна. — Я такого не говорила.

Ручка остановилась.

— Вы не хотите сохранить двор?

— Я хочу не погибнуть под своей крышей, если зима будет с ветром. Это другое. Двор я люблю. Но если мне дадут нормальную квартиру ближе к дочери, я поеду. Только чтобы честно: что дают, когда, на каких условиях, и что будет с яблоней Анны.

Раиса Павловна резко повернулась к ней.

— Валя, если вы подпишете переезд, они скажут, что двор никому не нужен.

— А если я останусь из-за красивой фразы, кто мне потолок будет держать? Вы с вашим школьным проектом?

— Я не про красивую фразу.

— А я про потолок.

Тамара Никитична постучала ногтем по чашке.

— Мне тоже не пишите «сохранить двор» вместо меня. Мне нужна экспертиза. Нормальная, независимая, не та, где человек из машины вышел, на крыльцо посмотрел и уже всё понял. Дом у меня стоит. Да, старый. Я тоже не новая, но меня же пока не расселяют по акту.

Олеся подвинула к ней блюдо с печеньем. Тамара Никитична взяла одно, посмотрела на него с подозрением и положила обратно.

— Значит, три позиции, — сказала я и перечеркнула первую строку так аккуратно, будто это могла быть операция без последствий. — Раиса Павловна — сохранить двор. Валентина Егоровна — рассмотреть переезд при понятных условиях. Тамара Никитична — независимая экспертиза.

— И сарай, — сказала Тамара Никитична.

— Какой сарай?

— Наш. Который по их схеме ничей. Ничейный сарай быстро становится чужим. Его забирает тот, кто проворнее.

— Кто забирает?

— Самого ловкого.

Мария Ивановна чуть улыбнулась, но ничего не сказала. Я перевернула страницу и написала сверху: «Сарай». Лист стал выглядеть честнее.

— Расскажите, — попросила я.

Тамара Никитична выпрямилась.

— Сарай стоит между моим домом и двором Валентины Егоровны. Передней половиной пользуюсь я: дрова, банки, старые рамы. Задняя половина у Вали: лестница, ящики, ведро для колодца. Так было при наших мужьях, при их отцах, и даже при той власти, которая любила всё учитывать, но этот сарай почему-то пожалела.

— В документах его нет? — спросила я.

— В новых нет. В старых, может, есть. Раиса Павловна говорила, что дети его рисовали.

Раиса Павловна сжала губы.

— Рисовали. И проход к колодцу тоже. Но школьная схема — не документ. Мне сегодня это уже сказали таким тоном, будто я всю жизнь преподавала незаконное краеведение.

— А колодец сейчас чей? — спросила Олеся.

— Вода ничья, пока ведро чужое не возьмёшь, — сказала Валентина Егоровна. — Сейчас колодцем почти не пользуемся, но проход остался. Вернее, был. Его новая сетка перекрыла.

Я попыталась сложить всё в таблицу. В первой колонке были люди, во второй — желания, в третьей — вопросы к комиссии. Получалось красиво. Слишком красиво. Раиса Павловна в этой таблице становилась «сохранить», Валентина Егоровна — «переезд», Тамара Никитична — «экспертиза». А на самом деле все трое говорили о дворе, только с разных сторон.

— Давайте так, — сказала я. — Общая позиция: жители яблоневого двора требуют остановить расселение до проверки схемы и документов.

— Опять жители, — сказала Валентина Егоровна.

— Это для комиссии.

— А для меня?

Я замолчала.

Валентина Егоровна смотрела не зло. Хуже — устало.

— Вы хорошая, Вера. Я вижу. Но вы уже во второй раз говорите так, будто нас надо построить в одну колонну. Я не хочу колонной. Я хочу, чтобы мне не подсунули бумагу, где я будто всем довольна.

Олеся взяла мою ручку и положила рядом с тетрадью.

— Давай без колонны, — сказала она. — У нас тут не первой, у нас три женщины и сарай.

Раиса Павловна вдруг поднялась.

— Тогда пойдёте к сараю. Пока не стемнело. Вы всё равно без него не поймёте.

На улице быстро холодало. От салона Олеся до яблоневого двора мы шли молча. Только Тамара Никитична объясняла Валентине Егоровне, что печенье было неправильное: к таким разговорам надо ставить пирожки, а не эту «городскую крошливость». Олеся услышала и пообещала в следующий раз подать к расселению кулебяку. Тамара Никитична сказала, что с кулебякой она готова рассмотреть даже кадастровый план, но без гарантий.

У двора ложились сумерки. Старые номера на домах темнели, а временные бумажки шуршали на ветру. После дневной комиссии они выглядели не смешно, а жалко. Как бинты поверх плохо понятой раны.

Сарай стоял между домами, чуть в глубине, у старого прохода к колодцу. Низкая крыша просела, дверь была серая от дождей, на косяке виднелись две зарубки. Одна высокая, другая

ниже. Тамара Никитична сказала, что это их мужья когда-то мерили доски для полок и поспорили на ведро яблок. Победителя никто не помнил, а зарубки остались.

— По новой схеме сарай где? — спросила я.

Раиса Павловна достала сложенный лист. Это была копия, которую Дмитрий Корвин успел прислать ей на телефон, а Олеся распечатала у соседки. На схеме дома стояли отдельно, прохода к колодцу не было, сарая не было тоже. На его месте белело пустое пятно.

— Видите? — сказала Тамара Никитична. — Он у них испарился. Стоит, зараза, всю жизнь, а в бумаге прилично исчез.

— Может, его посчитали ветхой постройкой без регистрации, — сказала я.

— Пусть считают. Но если вещь не записана, это не значит, что ею не пользовались.

Валентина Егоровна подошла к задней стороне сарая.

— У меня ключ отсюда.

— А у меня спереди, — сказала Тамара Никитична. — Только сегодня проверим с обеих сторон. Раз уж у нас вечер развлечений.

Сначала подошли с новой калитки, которую поставили после последней перепланировки. Тамара Никитична вставила ключ в замок. Ключ вошёл наполовину и застрял. Она нахмурилась, пошевелила его, потом выругалась одним словом, которое Олеся уважительно назвала «очень старорусским».

— Дайте я, — сказала Валентина Егоровна.

— Не дам. Это мой ключ. Я с ним с восемьдесят пятого года разговариваю.

— Видимо, сегодня он вас не слушает.

Замок щёлкнул, но не открылся. Ключ пришлось вытаскивать вдвоём. Олеся светила телефоном, Мария Ивановна придерживала край калитки, а я записывала и чувствовала себя лишней, потому что моя тетрадь никак не помогала замку.

— Перекосило, — сказала я. — После дождя могло разбухнуть.

— Могло, — согласилась Тамара Никитична. — Только утром открывалось. Я ведро брала.

Мы обошли сарай старым проходом, между яблоней и низким забором. Там земля была утоптана, как возле часто открываемой двери. Валентина Егоровна вставила свой ключ. Замок открылся сразу, мягко, без скрипа. Дверь подалась, и из сарая пахло дровами, пылью и сушёными травами, которые, по словам Тамары Никитичны, висели здесь «для запаха и против моли, а не для мистики».

Олеся посмотрела на меня.

— Запиши: ключ признаёт старый вход.

— Запишу: с нового входа замок заедает, со старого открывается.

— Нудно, но доказательно.

Внутри сарай оказался аккуратнее, чем снаружи. Слева лежали дрова Тамары Никитичны, справа стояла лестница Валентины Егоровны. На стене висел старый совок, под полкой — ведро для колодца. Между половинами была не перегородка, а привычная граница: одна доска на полу и разный порядок вещей.

— Вот, — сказала Валентина Егоровна. — Моя половина. Видите лестницу? Ей лет тридцать. Я её в дом не таскаю. Всегда тут стояла.

— А вот мои дрова, — сказала Тамара Никитична. — И рамы. И банка с гвоздями. Не трогать, она злая.

— Банка? — спросила Олеся.

— Банка добрая. Гвозди злые. Но отвечать будет банка, потому что крышка у неё слабая.

Я сфотографировала сарай изнутри: две половины, ведро, лестницу, доску на полу. Потом вышла и сняла старый проход к колодцу. За яблонями виднелась крыша мастерской.

Всё снова сходилось в одну точку: дома, сарай, колодец, яблони и мастерская были связаны ногами людей, а не линиями в новой схеме.

Раиса Павловна стояла у входа и смотрела на сарай с выражением человека, который видит не доски, а утраченную страницу.

— В школьном проекте он был, — сказала она. — Дети писали: «общий сарай Зориных, Климовых и Рыбаковых». Я тогда исправила «общий» на «дворовый», потому что общее у нас любят путать с ничьим. Вот, видимо, плохо исправила.

— Проект у вас дома? — спросила я.

— Часть. Схемы точно есть. Фотографии тоже должны быть.

— Надо посмотреть.

Раиса Павловна повернулась ко мне.

— Надо, но не хватайте глазами всё сразу. Это не архив для победы над комиссией. Там люди.

Она сказала почти то же, что Валентина Егоровна в салоне, только другими словами. И я наконец услышала не упрёк, а общий страх: я могу взять их память как удобное доказательство и снова сделать их приложением к своей версии.

Когда мы возвращались в салон, стемнело. Олеся включила на крыльце лампу, и свет лёг на ступени ровным жёлтым кругом. Внутри стало теплее. Чайник снова зашумел, но теперь разговор не рвался наружу. Все устали от дня, в котором адреса менялись быстрее, чем люди успевали объяснить, кто они.

Я разложила новые записи на столе. От красивой таблицы осталась испорченная страница с перечёркнутым «сохранить двор». Я хотела вырвать её, но Мария Ивановна накрыла лист ладонью.

— Оставь.

— Зачем?

— Чтобы помнить, как удобно было.

Я села рядом с ней.

— Я правда думала, что общий список поможет.

— Он может помочь, если не заменит людей. Ты ведь хотела быстрее сделать им сильную позицию.

— Да.

— А сильная позиция без их голоса снова будет чужой бумагой.

Олеся стояла у плиты и молча наливала чай. Обычно она в такой момент вставила бы что-нибудь про чужую бумагу, которая всегда приходит без пирожков. Но она только поставила чашку перед Валентиной Егоровной, потом перед Тамарой Никитичной, потом перед Раисой Павловной. По одной. Олеся ставила чашки по одной и не торопила разговор.

— Давайте заново, — сказала я. — Не общий лозунг. Три карточки. На каждой — что человек хочет, чего боится, какие документы нужны и что нельзя решать без него.

— И сарай отдельной карточкой, — сказала Тамара Никитична.

— И сарай.

— И яблоню Анны, — добавила Валентина Егоровна. — Я могу уехать, но не хочу, чтобы её записали пустым местом.

— И проект, — сказала Раиса Павловна. — Только проект сначала посмотрю сама. Я должна понять, что там сохранилось.

Мы начали заново. Раиса Павловна говорила медленно и строго, но не пыталась подчинить всех одной цели. Валентина Егоровна просила записать про дочь и про понятные условия переезда. Тамара Никитична требовала экспертизу и признание фактического пользования сараем. Я писала отдельно, а не сводила. Получалось дольше, неровнее и честнее.

Олеся всё ещё не шутила. Она только следила, чтобы никто не перебивал. Один раз Тамара Никитична начала перебивать Валентину Егоровну, но Олеся подняла палец и сказала: — Сейчас её очередь. Ваша будет после печенья.

Тамара Никитична посмотрела на печенье, взяла одно и смирилась с порядком.

К девяти вечера у нас было три карточки, один лист по сараю и отдельная пометка про проход к колодцу. Мой прежний вывод, что все боятся выселения, развалился окончательно. Валентина Егоровна боялась остаться без безопасного жилья и без права на память. Тамара Никитична — что её дом объявят плохим без настоящей проверки. Раиса Павловна — что двор исчезнет не из-за аварийности, а из-за удобной старой ошибки, которой теперь пользуются новые люди.

Я закрыла тетрадь. За окном темнели яблони, а где-то за ними стояла мастерская с телефоном, который пока молчал.

— Завтра приходите ко мне, — сказала Раиса Павловна. — Покажу коробки школьного проекта. Не все сразу, но начнём.

— Во сколько? — спросила я.

— После завтрака. И без комиссии.

— А без меня можно? — спросила Олеся.

Раиса Павловна посмотрела на неё поверх очков.

— Нельзя. Вы сегодня хорошо молчали.

Олеся приложила руку к груди.

— Это самый странный комплимент в моей жизни. Я буду беречь его в отдельной коробке.

Мы вышли из салона вместе. Валентина Егоровна и Тамара Никитична пошли к своим домам через улицу, споря тише: не о расселении, а о том, почему ключ со старой стороны открылся сразу. Раиса Павловна несла папку под мышкой и ни разу не оглянулась на мастерскую. Мария Ивановна задержалась у крыльца и посмотрела на меня.

— Сегодня ты меньше говорила за них к концу вечера.

— К концу — да. В начале я уже почти сочинила им общее спасение.

— Хорошо, что успела испортить только лист.

Я усмехнулась и убрала тетрадь в сумку. В ней теперь лежали не один список, а три разные позиции, сарай без места в схеме и проход к колодцу, который бумага не видела. Дело перестало быть историей о снятых табличках. Оно стало историей о границе, которую на земле проходили каждый день, а в документах однажды перестали замечать.

Глава 4. Коробки Раисы Павловны

Утром Раиса Павловна встретила нас на веранде так, словно мы пришли сдавать экзамен по обращению с чужой памятью. На столе лежала клеёнка, рядом стояли три чашки и блюдце с сухариками. Олеся шёпотом спросила, надо ли перед сухариками извиниться.

Я пришла с тетрадью, телефоном и твёрдым намерением ничего не хватать без разрешения. После вчерашнего сарая хотелось быстрее увидеть проект: схемы, годы, старые фотографии. Раиса Павловна дала понять, что память не станет добычей для торопливых рук.

— Сначала правила, — сказала Раиса Павловна. — Коробки из дома не выносить. Листы руками не мять. Фотографировать только то, что я разрешу. И не торопить меня. Я сама знаю, где что лежит.

— Прекрасно, — сказала Олеся. — Нас приняли в архив имени бдительной учительницы.

— Вас приняли на веранду, — поправила Раиса Павловна. — До архива ещё надо дорасти.

Мария Ивановна улыбнулась и села ближе к окну. Она сегодня почти не говорила, но смотрела очень внимательно. После вчерашнего разговора о согласиях она словно решила про- верить не документы, а то, как мы рядом с ними себя ведём.

Раиса Павловна открыла старый шкаф. Внутри стояли коробки из-под обуви, папки с завязками и школьные альбомы. На наклейках было написано: «Сад», «Двор», «Мастерская». Одна коробка без подписи была перевязана красной лентой.

— Вот он? — спросила я.

— Не весь, — сказала Раиса Павловна. — Полного «Паспорта яблоневого двора» у меня нет. Полный был в школе. У меня копии, черновики и то, что дети приносили после занятий. Тогда казалось, что это обычная работа для районного конкурса. Теперь выходит, что конкурс пережил документы.

Она поставила на стол первую коробку. Пыль поднялась, Олеся чихнула и сказала:

— Это не критика хранения. Это уважение организма к истории.

Раиса Павловна открыла крышку. Внутри лежали ученические листы в файлах. Бумага пожелтела, некоторые уголки потемнели от времени, но надпись на верхнем листе сохранилась ясно: «Паспорт яблоневого двора». Ниже неровными буквами было выведено: «Работа учени- ков шестого класса».

Я невольно потянулась к телефону.

Раиса Павловна накрыла лист ладонью.

— Пока только смотрим.

— Я поняла.

— Вы поняли умом. Рука ещё тянется.

Олеся хмыкнула. Я убрала телефон в карман и взяла ручку. Так было медленнее, зато честнее.

Первый лист оказался общей схемой двора. Дома стояли одной линией и были подписаны старыми номерами: 7, 8, 9. Между ними тянулся проход к колодцу. За садом была отмечена школьная мастерская, причём не как чужая закрытая постройка, а как часть дворовой жизни: туда вели две тропинки, одна от улицы, другая от сарая. Сарай на схеме был. Его нарисовали криво, зато подписали старательно: «дворовый сарай».

— Вот, — сказала Олеся. — Сарай существует даже в шестом классе. Это почти высшая инстанция.

— Шестой класс иногда честнее комиссии, — ответила Мария Ивановна.

Раиса Павловна не улыбнулась, но уголок рта у неё дрогнул.

— Дети тогда всё мерили шагами. Я ругалась, что надо рулеткой. А Анна Кузьминична сказала: «Пусть шагами. Так видно, как люди ходят».

Я подняла голову.

— Анна Кузьминична помогала проекту?

— Помогала. Она не любила собраний, зато с детьми говорила терпеливо. Показывала яблони, старые проходы, где стояла первая калитка. Больше всего повторяла про линию сада. Я тогда считала, что она упрямая.

— А теперь?

Раиса Павловна поправила очки.

— Теперь я не уверена, что мы понимали, о чём она просила.

Она достала из коробки фотографию. На снимке стояли дети с лопатами у яблони, за ними виднелся край мастерской. На обороте школьник написал: «Анна Кузьминична показывает старую межу». Почерк был крупный, с кляксой на слове «старую».

Мария Ивановна наклонилась ближе.

— Это она.

— Вы её помните? — спросила я.

— Лицо помню. Она приезжала в районную больницу, когда я там по делам была. Сидела в коридоре с папкой и всё спрашивала, кто может подтвердить, что сад не переносили. Я тогда не вникла. Думала, обычный спор из-за земли.

— Она спорила не о доме, — сказала Раиса Павловна. — Всё время о линии сада. Я даже сердилась: дом же важнее.

Мария Ивановна долго смотрела на снимок.

— Для старшего человека дом иногда держится не на стенах, а на том, что вокруг него не сдвинули без спроса.

Эта фраза легла между нами и прочно. Я записала её не в список улик, а на полях. Для дела она пока ничего не доказывала, но многое объясняла.

Раиса Павловна открыла альбом. Закладка лежала ближе к середине, там, где были фотографии праздника урожая. Но альбом сам распахнулся на другой странице. Там Анна Кузьминична стояла у яблони в тёмном платке, рука лежала на стволе. Рядом девочка подняла табличку с номером 9, а мальчик показывал на мастерскую так важно, будто объяснял устройство мира.

Раиса Павловна замерла.

— Я закладку не туда клала.

— Листы могли слипнуться, — сказала я быстрее, чем испугалась. — Альбом старый.

— Могли, — согласилась Раиса Павловна, но голос у неё стал тише.

Олеся осторожно наклонилась над страницей.

— У Анны Кузьминичны вид такой, будто она сейчас поставит всем двойки за неправильную границу.

— Она двоек не ставила, — сказала Раиса Павловна. — Но молчать умела так, что становилось стыдно.

На странице под снимком была подпись: «Левина А. К. у яблони старого двора». Сбоку ученическая рука добавила карандашом: «Граница идёт за яблоней, а не перед ней». Карандаш почти стёрся, но слова читались.

Я снова потянулась к телефону. На этот раз остановила себя сама.

— Раиса Павловна, можно сфотографировать эту страницу?

Она посмотрела на меня строго.

— Зачем?

— Чтобы потом сопоставить со схемой комиссии. Только эту страницу. И общий план, если вы разрешите.

— А если вы покажете всем, и начнут говорить, что я подделала проект ради двора?

Вопрос прозвучал резко. Я ответила не сразу. Материалы хранились у Раисы Павловны, и старые схемы хорошо ложились против новой адресации. Такую удобность надо было проверять.

— Такая версия возможна, — сказала я честно. — Поэтому и надо не брать всё на веру. Нужно будет искать независимые подтверждения: старые фотографии у других жителей, школьные архивы, документы, может быть, районный фонд.

Раиса Павловна сжала край альбома.

— То есть вы мне не верите.

— Я не имею права просто поверить, если потом этим будут пользоваться люди. Но и виноватой вас не считаю. Мне нужно проверить так, чтобы вашу память не отбросили одной фразой.

Мария Ивановна одобрительно посмотрела на меня. Небольшое движение, почти незаметное. Но после вчерашних ошибок мне и этого хватило.

Раиса Павловна долго молчала. Потом развернула альбом ко мне.

— Фотографируйте. Только страницу целиком. И подпись отдельно. Без лиц детей крупным планом.

— Хорошо.

Я сделала два снимка и показала ей экран. Она кивнула. Темп расследования снизился, зато Раиса Павловна больше не держала альбом как щит.

Следующая папка была с описаниями домов. Дети писали просто, иногда смешно, но точнее комиссии. Про дом Валентины Егоровны один мальчик отметил крыльцо с сердитой ступенькой. Раиса Павловна хотела сделать замечание Олеся, но передумала.

На листе про дом Тамары Никитичны была схема сарая. Слева ученик нарисовал дрова, справа лестницу, посередине доску. Доска была та самая, которую мы видели вчера на полу.

— Значит, деление сарая не вчера придумали, — сказала я.

— Конечно, не вчера, — отозвалась Раиса Павловна. — Вчера у нас только схема ослепла.

Я записала: «Сарай: подтверждение школьной схемой, нужно искать внешнюю копию». Потом перелистнула папку и увидела фотографию трёх домов. Снято было с улицы, чуть сбоку. Старые номера читались плохо, но порядок был тот же: 7, 8, 9. За девятым домом виднелась мастерская. На её стене было окно.

Я задержала взгляд.

— Подождите.

— Что? — спросила Олеся.

Я придвинула фото ближе. Окно мастерской было прямоугольное, с двумя створками. Сейчас на этой стене я помнила только глухие доски и серую кладку под ними. Вчера, когда мы входили в мастерскую, свет шёл через щели в заколоченных окнах с другой стороны. Это окно с улицы видно быть не должно. По крайней мере, теперь.

— Это какая сторона мастерской?

Раиса Павловна взяла снимок.

— Со стороны сада. Видите, девятый дом, за ним яблоня, дальше мастерская.

— Сейчас там заложено окно?

— Должно быть. Его заложили после закрытия мастерской. Или ещё раньше, когда сделали склад. Я точно не помню.

— Но на фото оно видно с улицы.

— Тогда проход был открыт, — сказала Мария Ивановна. — И сада меньше заросло.

Олеся подалась вперёд.

— А если окно видно с улицы, значит, мастерская не была отдельной задворкой. Она реально входила в линию двора.

Раиса Павловна посмотрела на неё с удивлением.

— Вы хорошо молчите и иногда хорошо говорите.

— Я расту, — сказала Олеся. — Под вашим педагогическим давлением.

Раиса Павловна разрешила снять ещё один лист: мастерская, сарай и колодец, а в углу — подпись «От мастерской до яблони Анны — двенадцать шагов». Рядом было нарисовано яблоко с глазами — смешной и очень серьёзный свидетель.

— Вот почему телефон спрашивал про паспорт, — сказала я. — В проекте есть фактическое пользование двором: проходы, старые номера, объекты, которых новая схема не видит.

— Школьный проект не имеет юридической силы, — сказала Раиса Павловна и сама поморщилась. — Вот уже говорю их словами.

— Не имеет, — согласилась я. — Но он может показать, где искать настоящие документы. И с чем сравнивать.

Раиса Павловна закрыла папку.

— Тогда искать будем осторожно. Я не хочу, чтобы завтра весь район обсуждал, что Зорина вытащила детские рисунки и теперь спасает дом яблоком с глазами.

— Яблоко симпатичное, — сказала Олеся. — Но для суда слабовато.

— Для суда слабовато, — повторила Раиса Павловна. — А для совести некоторым хватило бы.

На веранде стало тихо. За окном прошла соседская кошка и презрительно посмотрела на нас через стекло, будто знала, где лежит главный документ, но не собиралась работать бесплатно. Олеся проследила за ней взглядом и сказала, что кошек надо принимать в комиссию: они хотя бы честно показывают, что им всё равно.

Раиса Павловна достала последнюю на сегодня коробку. Красная лента на ней была завязана туго.

— Это не весь проект. Здесь личное. Фотографии семей, подписи детей, небольшие рассказы. Я покажу только то, что касается Анны Кузьминичны и границы. Остальное без разрешения родственников не нужно трогать.

Мне снова захотелось возразить, что для расследования важна полнота. Но после вчерашних карточек я понимала: полнота без согласия легко превращается в чужую власть. Поэтому я кивнула.

В коробке лежали старые конверты. Раиса Павловна выбрала один и вынула небольшой снимок. Анна Кузьминична сидела на лавке у дома, рядом стояла молодая женщина, лица которой я не знала. На обороте было написано: «Анна Кузьминична и линия сада, сентябрь». Не «дом», не «двор», а снова линия сада.

Мария Ивановна взяла снимок только после того, как Раиса Павловна сама протянула.

— Она была не беспомощная, — сказала бабушка. — Вот что на лице видно. Усталая, да. Но не беспомощная.

— А потом пошёл слух, что она уже не может сама распоряжаться домом, — сказала Раиса Павловна.

Я подняла глаза.

— Вы знаете это точно?

— Слышала. Документов у меня нет. Тогда говорили шёпотом, как будто, если говорить тише, поступок станет приличнее.

— В проекте есть об этом?

— Нет. Дети не занимались такими вещами. И я не занималась. Я учила их подписывать фотографии и не пачкать клейстером парты.

Она сказала это с раздражением, но раздражалась не на нас. На себя прежнюю. На время. На удобное «не моё дело», которое иногда оказывается самым крепким замком.

Я записала отдельной строкой: «Анна Кузьминична — проверить, что именно было в решении». Потом добавила: «Не делать вывод без документов».

Олеся тем временем листала папку с ученическими схемами, но не вынимала листы из файлов. Это было почти чудо дисциплины.

— Раиса Павловна, а вот это можно? — спросила она.

— Что именно?

— Тут мастерская закрашена тем же цветом, что и двор. А школа — другим. Значит, дети считали мастерскую частью двора, а не школьной территории?

На схеме было два цвета. Школьное здание стояло отдельно, а мастерская соединялась с яблоневым двором проходом и была закрашена вместе с садом. Внизу стояла подпись: «Место общего труда и хранения».

— Это делала Лена Пахомова, — сказала Раиса Павловна. — Очень аккуратная девочка. Сейчас, наверное, уже сама детей ругает.

— Можно фото? — спросила я.

Раиса Павловна задумалась. Потом сама положила лист на ровное место, расправила файл и убрала палец с подписи.

— Можно. Но подпись девочки не снимайте крупно. И напишите в тетради, что оригинал у меня.

— Напишу.

Я сфотографировала схему и поймала себя на том, что стала двигаться медленнее. Не потому, что устала, а потому что каждое разрешение здесь было не формальностью. Раиса Павловна отдавала не бумагу, а кусок доверия. Его нельзя было брать жадно.

Когда мы закончили, на столе остались только выбранные Раисой Павловной материалы: общий план, страница с Анной Кузьминичной, схема сарая, рисунок мастерской и фотография с заложённым окном. Связка стала яснее: старые номера, проход, сарай, мастерская и яблоня Анны существовали в проекте до нынешней схемы.

— Теперь что? — спросила Олеся.

— Теперь надо сопоставить фотографии с тем, что на домах сейчас, — сказала я. — Особенно номера. И понять, где стоял фотограф, когда снимал мастерскую с улицы.

— Это опять ходить? — спросила она.

— Немного.

— У тебя «немного» обычно заканчивается тем, что я лезу в крапиву ради ракурса.

— Сегодня без крапивы.

— Запомнили все. Вера дала обещание при свидетелях.

Раиса Павловна закрыла коробку с личными снимками и завязала красную ленту. Руки у неё не дрожали.

— Вы не просили забрать папки, — сказала она.

— Очень хотела, — призналась я.

— Видела.

— Но не попросила.

— Поэтому завтра покажу больше.

Мария Ивановна поднялась и поправила платок.

— Вот так дела и делаются. Медленнее, зато без кражи под видом помощи.

Раиса Павловна посмотрела на неё внимательно.

— Вы тоже знали Анну?

— Нет. Только видела однажды. Но теперь жалею, что не спросила, что у неё за папка.

— Мы все тогда не спросили, — сказала Раиса Павловна. — Дети спрашивали лучше взрослых.

На улице я ещё раз проверила список разрешённых снимков. Фотография с окном мастерской не давала покоя: если старый ракурс верен, новая граница закрыла линию, по которой двор был виден и понятен.

— Пойдём к девятому дому, — сказала я. — Надо проверить, совпадает ли старый номер на фото с тем, что проступил под пластиком.

— А завтрак? — спросила Олеся.

— После.

— История снова победила бутерброд.

Раиса Павловна спустилась на одну ступеньку.

— Бутерброды я вам заверну. Только фотографии не потеряйте.

Она сказала это без прежней колючести. Не мягко, нет. Раиса Павловна вообще не была мягким человеком. Но теперь в её голосе было главное: она позволила нам идти дальше не вместо неё, а вместе с ней.

Мы пошли к яблоневому двору с тетрадью и несколькими снимками. Паспорт оказался не красивой памятью для конкурса, а картой старой жизни: тропинок, сарая, окна мастерской и линии сада Анны Кузьминичны.

Глава 5. Эмалированная девятка

К яблоневому двору мы пришли после обеда, когда солнце выбралось из-за облаков и старые дома стали выглядеть не тревожно, а упрямо. Они стояли на своих местах и словно ждали, когда люди перестанут спорить с дверями, окнами и номерами.

Раиса Павловна несла папку с разрешёнными фотографиями так бережно, будто внутри лежали не школьные снимки, а контрольные работы, которые ещё можно спасти. Олеся дважды предлагала помощь, но получала строгий отказ и к третьему разу решила беречь силы.

В тетради у меня были выписаны старые номера, схема из школьного проекта и записка про фотографию, где мастерская виднелась за девятым домом. Нужно было понять, совпадают ли снимки с реальным расположением домов. Не с воспоминаниями, не с голосом из отключённого телефона. С тем, что можно проверить глазами.

Настасья Петровна ждала у колодца. В руках у неё была связка ключей на выцветшей синей ленточке.

— Начинайте с девятки, — сказала она. — Она у вас сегодня главная.

— Какая девятка? — спросила Раиса Павловна.

— Эмалированная. Вещь простая, а людей уже второй день строит.

Раиса Павловна разложила на лавке три фотографии. На первой дома стояли в ряд, за ними виднелись яблони и мастерская. На второй было снято крыльцо девятого дома и табличка на стене. На третьей девочка в белом банте стояла у яблони, а за её плечом попадал тот же угол стены.

Я подошла к стене. После снятой пластиковой таблички на досках остался светлый прямоугольник. Ниже проступала старая эмалированная девятка: синяя цифра на белом фоне, с отколотым краем у нижнего гвоздя. На фотографии отколотый край был меньше, но форма совпадала. И гвоздь сидел там же. На доске рядом виднелась тёмная прожилка; на старом снимке она тоже была, только светлее.

— Это она, — сказала я.

Раиса Павловна выдохнула так, словно всё утро запрещала себе этот выдох.

— Я знала.

— Знать мало, — сказала Настасья Петровна. — Теперь видим.

Я сфотографировала старый снимок рядом с настоящей стеной. Потом попросила Олесю заслонить солнце, потому что блик на эмали съедал цифру. Олеся встала с видом человека, которого официально назначили тенью.

— Если меня сейчас увидят клиенты, я скажу, что участвую в культурном проекте.

У дома Тамары Никитичны восьмёрка подтвердилась быстро: трещина в наличнике на снимке совпала с нынешней, только стала глубже. Седьмой дом Валентины Егоровны совпал по крыльцу. На старом снимке ступенька ещё была целой, но наклон уже начинался. Теперь крыльцо просело сильнее. Фотографии были настоящими, а дом Валентины Егоровны нуждался в проверке.

Я записала: «Номера на фото совпадают с проступившими табличками. Совпадают крыльца, наличники, доски». Потом добавила: «Не только память».

— Вот это уже не школьная фантазия, — сказала Олеся.

— Школьная фантазия обычно про то, почему тетрадь осталась дома, — ответила Раиса Павловна. — А это была работа.

Мы вернулись к общему снимку. Три дома стояли подряд, между ними был проход к колодцу, а за девятым домом виднелась мастерская с тем самым окном. Я подняла фотографию и стала искать точку съёмки. У забора ничего не совпало. У яблони тоже. Окно то пряталось за ветками, то закрывалось углом дома.

— Левее, — сказала Настасья Петровна.

Я подошла к старому проходу между домом Раисы Павловны и садом. Там земля была ниже, трава примята. Именно здесь вчера комиссия нашла тупик, потому что смотрела по новой схеме.

— Теперь подними фото.

Я подняла снимок. Линия совпала. Девятый дом, яблоня, окно мастерской. Старый фотограф стоял не на улице и не за забором. Он стоял внутри двора, на проходе, которого в новых бумагах не было.

— Вот первая проверяемая улика, — сказала я. — Если снимок сделан отсюда, проход существовал и был обычным маршрутом.

— Ребёнок залезет куда угодно, — заметила Олеся. — Но если рядом учитель, это уже почти официально.

— Учитель рядом был, — сказала Раиса Павловна. — У Саши фотоаппарат заедал, и он снимал всё с перекосом. Я ещё говорила: не делай из истории морскую болезнь.

Со стороны дороги к нам шёл Дмитрий Корвин, а рядом с ним высокий молодой мужчина в тёмной куртке. Он нёс папку под мышкой и шагал уверенно, будто дорога должна была подстроиться под его обувь.

— Вера Сергеевна, добрый день, — сказал Дмитрий. — Это Илья Бессонов. Юрист, его подключили по документам расселения и старым правам.

Илья кивнул.

— Здравствуйте. Мне сказали, здесь возникли вопросы по адресации.

— Они не возникли, — сказала Раиса Павловна. — Они проступили из-под пластика.

Илья посмотрел на девятку, потом на фотографии у меня в руках.

— Можно?

Я почти протянула снимок, но остановилась и повернулась к Раисе Павловне.

— Это ваши материалы.

Она заметила паузу и кивнула.

— Покажите. В руки не отдавайте.

Илья не стал спорить. Снимок остался у меня в руках, он наклонился и внимательно посмотрел.

— Старые номера. Интересно, но это не решает вопрос собственности и аварийности.

— Мы пока не про «решает», — сказала я. — Мы про «совпадает».

— Совпадение старой нумерации с фотографией не даёт юридического вывода.

— Даёт направление проверки.

— Возможно. Но школьный проект не является правоустанавливающим документом.

Раиса Павловна выпрямилась.

— Никто не утверждает, что шестой класс выдавал свидетельства о собственности.

Олеся добавила:

— Хотя, судя по вчерашней комиссии, шестой класс справился бы не хуже.

Илья услышал, но сделал вид, что фраза прошла мимо.

— Я понимаю ваше беспокойство, — сказал он. — Но есть действующая программа, сроки осмотра, предварительные отметки и заключение по одному дому. Дом Валентины Егоровны действительно в плохом состоянии. Затягивание может ей навредить.

Вот тут он попал в неприятное место. Я могла спорить с новыми адресами, уведомлением на яблоне и исчезнувшим сараем. Но крыльцо Валентины Егоровны не нуждалось в мистике, чтобы выглядеть опасным.

— Никто не предлагает оставить её под плохой крышей, — сказала я.

— Тогда важно не превратить проверку старых границ в блокировку переселения.

— А важно не превратить переселение в удобное стирание старых границ.

Илья посмотрел на меня внимательнее.

— Вы юрист?

— Нет.

— Представитель жителей?

— Они сами говорят за себя.

— Тогда в каком статусе вы собираете материалы?

— В статусе человека, которого жители попросили записать факты, — сказала я. — И который не хочет, чтобы их согласия считались полученными без ясного вопроса.

Илья открыл папку.

— Предварительные отметки означают, что проведено информирование. Это не финальная сделка.

— Но вы называете их согласиями, — сказала Мария Ивановна, подходя от калитки. — Слово не маленькое.

Илья чуть смягчился.

— Формулировка неудачная. Процедура ещё идёт. Для того и нужны осмотры.

— Тогда почему осмотр вчера пришёл к Прохоровым, яблоне и в лопухи? — спросила Олеся.

Дмитрий кашлянул.

— Доступы уточняются.

— Хорошее слово. Им можно накрыть всё, от ошибки до пирога.

Я чувствовала, как во мне поднимается раздражение. Илья говорил спокойно, но каждую нашу находку ставил на место: интересно, но не документ; важно, но не решает; можно учесть, но процедура идёт. Хотелось доказать ему прямо здесь, у эмалированной девятки, что система бывает слепой. Но я всё ещё не знала, какие документы лежат в районном архиве.

Настасья Петровна, видимо, заметила, что я почти готова спорить громче фактов.

— Ладно, — сказала она. — Бумаги потом. Сейчас проверим ногами.

— Что именно? — спросил Илья.

— Проход. У вас на новой схеме один путь, у них в жизни другой. Пойдём от колодца к мастерской, как ходили раньше.

— Это не юридическая проверка.

— Конечно. Это человеческая. Юридическую потом умные сделают, если дойдут куда надо.

Илья хотел возразить, но Дмитрий сказал:

— Может, полезно посмотреть. Мы вчера именно на доступе ошиблись.

Мы пошли к колодцу. Настасья Петровна вручила Дмитрию ключ с синей ленточкой.

— Вот ключ от новой калитки. По схеме отсюда доступ к мастерской через неё.

Дмитрий подошёл к калитке у сетки. Ключ вошёл, повернулся, но калитка не открылась. Замок щёлкнул и закусил.

— Заедает.

— Записали, — сказала Олеся.

— Замок старый, — заметил Илья. — Это ничего не доказывает.

— Мы и не судим замок, — сказала Настасья Петровна. — Мы ходим дальше.

Она взяла у Раисы Павловны другой ключ, маленький, с потемневшей головкой, и пошла к старому проходу между яблоней и сараем. Там была низкая створка, которую давно хотели снять, но так и оставили. Ключ повернулся сразу. Створка открылась мягко, без скрипа.

Мы прошли от колодца к мастерской старым маршрутом: мимо сарая, вдоль яблони Анны Кузьминичны и дальше к двери мастерской. Дорога была короткой и понятной. По новой схеме её не существовало. По земле она читалась лучше любой линии.

У мастерской Настасья Петровна остановилась.

— Теперь обратно по вашей схеме, — сказала она Илье. — От мастерской к дому девять.

— Я не составлял схему.

— Тогда вы сегодня за неё гуляете.

Илья неожиданно усмехнулся.

— Хорошо. Погуляю за схему.

Он пошёл по линии из новой копии: вдоль сетки, к калитке, потом к предполагаемому входу. Через несколько шагов упёрся в заросший угол и старую сливу. Дмитрий зацепился рукавом, и Олеся помогла ему освободиться.

— Схема уже берёт заложников, — сказала она.

Илья вернулся к нам с травинкой на брюках.

— Фактический маршрут действительно отличается.

— Запишите это взрослым почерком, — сказала Раиса Павловна.

— Запишу. Но фактический маршрут сам по себе не меняет границ участка.

— А может показать, что границу когда-то сдвинули, — сказала я.

— Может. Если будут документы.

— Какие?

— Старые технические паспорта, решения по переоформлению, межевые материалы, архивные копии. Если речь об Анне Кузьминичне Левиной, нужно смотреть дело о дееспособности, если оно сохранилось.

Раиса Павловна побледнела.

— Значит, вы знаете про Анну.

Илья закрыл папку.

— Слышал фамилию в старой описи. Деталей нет.

— В какой описи? — спросила я.

— В перечне дел районного архива, который запрашивали при подготовке проекта. Там была строка по дому Левиной и старому решению. Само дело я не видел: запрос касался актуальных собственников и аварийности.

— Удобно, — сказала я.

Илья встретил мой взгляд.

— Иногда неполный запрос — не злой умысел, а неверно поставленный вопрос.

— А иногда неверно поставленный вопрос выгоден.

— Иногда. Но доказывать надо не интонацию, а документ.

Он был прав, и это злило сильнее. Илья походил на человека, который верит процедуре, пока документ не заставит его остановиться.

Мы вернулись к дому Раисы Павловны. Она достала из папки лист, который утром не показывала. Лист был не ученический, а учительский: опись материалов проекта. В строках значились фотографии, схемы, рассказы жителей, копии старых номеров. Внизу, отдельно, стояла пометка: «Приложение к решению хранить отдельно».

— Я не хотела показывать это при всех, — сказала Раиса Павловна. — Не понимала, что это за решение. Думала, школьное жюри или районный конкурс.

Илья наклонился.

— Можно посмотреть?

Раиса Павловна не отдала лист. Поднесла ближе.

— Смотрите глазами.

Он прочитал пометку дважды.

— Здесь не указано, к какому решению.

— Но рядом материалы Анны Кузьминичны и опись двора, — сказала я.

— Возможно. Надо проверять.

— В районном архиве?

— Сначала там. Если дело уходило в ведомственный фонд, придётся искать дальше.

Я записала: «Запросить районный архив: дом Левиной, решение, приложение, старое переоформление участка». Потом посмотрела на Илью.

— Вы можете дать номер фонда и дела?

— Уточню. Но официальные копии вам просто так не выдадут. При подтверждении интереса у жителей шансы выше. Лучше через письменное заявление.

Раиса Павловна тяжело вздохнула.

— Опять бумага.

— Бумага, — сказал Илья. — Но именно она может удержать то, что словами не удержится.

Мне стало труднее считать его врагом. Очень неудобное чувство для человека, который почти построил хорошую версию.

К вечеру мы сидели на крыльце Настасьи Петровны. На столе стояли чашки, миска с яблоками и моя тетрадь. Дмитрий ушёл раньше, пообещав прислать образец заявления. Илья задержался у калитки.

— Вера Сергеевна, — сказал он, — система торопится, вы правы. Но один дом опасен. Если из-за спора о старой границе Валентина Егоровна останется зимовать там, это тоже будет ответственность.

— А если под видом заботы у неё заберут право понять, что она подписывает, это чья ответственность?

— Поэтому нужны документы.

— И голос людей.

— Да. И голос людей.

Илья попрощался и ушёл к дороге. Я смотрела ему вслед и злилась не так уверенно. Настасья Петровна поставила передо мной чашку.

— Не объявляй его врагом.

— Я не объявляю.

— У тебя лицо уже почти вывеску прибило.

Олеся с крыльца фыркнула.

— «Враг номер один, временно без таблички».

— Он обесценивает школьный проект, — сказала я.

— Он говорит, что школьный проект не документ, — ответила Настасья Петровна. — Это правда. А ты хочешь, чтобы каждая правда сразу была на твоей стороне.

Я открыла рот, но закрыла. Чай пах яблоками, потому что Настасья Петровна бросила в заварку сушёную дольку. Или яблоки были везде.

Раиса Павловна сидела тихо. Перед ней лежала опись с пометкой про приложение.

— Если это приложение было к решению об Анне Кузьминичне, значит, она не зря спрашивала про паспорт двора.

— Пока мы не знаем, — напомнила я.

— Знаю. Но теперь хотя бы есть что искать.

Я перевернула страницу тетради. К вечеру у нас было больше, чем утром: старые номера совпали с фотографиями, проход подтвердился ногами, новая схема завела в тупик, а в школьной описи нашлась пометка про отдельное приложение к решению. Цена тоже стала понятной. Я не могла говорить, что гостила у Настасьи Петровны и записывала странности для собственного любопытства. С этого дня я входила в конфликт официально: с заявлениями, архивными запросами и людьми, которые будут спрашивать мой статус.

— Завтра готовим заявления, — сказала я. — Отдельно от Раисы Павловны, Валентины Егоровны и Тамары Никитичны. И запрос по Анне Кузьминичне, если найдём основание.

— А если не дадут? — спросила Олеся.

— Тогда будем искать, куда делось приложение.

Настасья Петровна взяла опись и вернула её Раисе Павловне.

— Паспорт двора нашли. Теперь ищите то, что из него вынули.

За яблонями темнела мастерская. Её заложённое окно с улицы не было видно, но я знала, где оно должно быть на старом снимке. Эмалированная девятка на доме Раисы Павловны проступала под вечерним светом спокойно и упрямо. Она не доказывала право, не отменяла аварийность и не определяла судьбу двора. Зато показывала: старая линия существовала не только в памяти. А значит, кроме паспорта двора нам нужно было найти приложение, которое давно положили отдельно и удачно забыли.

Глава 6. Яблоки по старой меже

На третий день яблоки разбудили меня раньше будильника. Они падали на крышу домика, и после вчерашней пометки про приложение хотелось ехать в архив, но Настасья Петровна пришла с корзиной и садовым ножом.

После вчерашней эмалированной девятки и пометки про приложение мне хотелось ехать в районный архив. Но Настасья Петровна утром пришла к моему крыльцу с корзиной, садовым ножом и лицом, которое не принимало возражений.

— В архив поедешь, когда поймёшь, что спрашивать, — сказала она. — А пока идём смотреть ногами.

— Мы вчера уже смотрели ногами.

— Вчера смотрели проход. Сегодня посмотрим линию.

Олеся появилась через пять минут, в куртке поверх свитера и с бутербродом в салфетке.

— Я на всякий случай взяла завтрак, — сказала она. — Потому что у вас «посмотрим линию» легко превращается в «вернёмся к обеду, если линия отпустит».

Я взяла тетрадь, рулетку, карандаш и телефон. Настасья Петровна посмотрела на рулетку с сомнением.

— Не начинай с измерений.

— А с чего?

— С глаз. Рулетка потом.

— Это очень ненаучно.

— Зато люди так жили до твоего телефона и не всё потеряли.

Мы пошли к яблоневому двору. На траве лежала влага, у домов поднимался дымок, за сараем копошились куры Тамары Никитичны.

Тамара Никитична ждала у колодца. На ней был вязаный жилет, резиновые сапоги и выражение хозяйки, которую позвали показывать очевидное образованным людям.

— Ну что, пришли землю учить, где ей лежать? — спросила она.

— Пришли понять, где раньше ходили, — сказала я.

— Ходили там, где удобно. Потом пришли бумажные люди и решили, что удобство у нас неправильное.

Настасья Петровна поставила корзину у колодца.

— Начинаем отсюда. Старая тропа шла от колодца к Анниной яблоне, потом к сараю и мастерской. Не по прямой, а как двор ходил.

— Двор ходил? — Олеся посмотрела на меня. — Запиши. У нас уже даже двор с ногами.

— Двор без ног умнее некоторых схем, — сказала Тамара Никитична.

Я открыла тетрадь и набросала простой план: колодец, три дома, сарай, мастерская. Хотела поставить стрелки, но Настасья Петровна отобрала карандаш.

— Сначала пройдем.

— Я хотя бы отмечу точку старта.

— Точку старта можешь. Дальше не командуй листом раньше земли.

Первая яблоня стояла ближе к дому Валентины Егоровны. Под ней лежали жёлтые плоды с красным боком: не кучей, а вытянутой полосой к старому проходу.

— Ветер с ночи был? — спросила я.

— Был, — сказала Тамара Никитична. — Только ветер у нас, Вера, пока без высшего образования. Он по прямой акт не составляет.

— Я просто проверяю обычное объяснение.

— Проверяйте, но не делайте лицо, будто мы яблоки ночью раскладывали.

Олеся присела и подняла одно яблоко.

— Двор устроил геодезию без лицензии. И без комиссии. Комиссия бы сначала упала в колодец, потом уточнила доступ.

Я отметила направление падения. Полоса шла от колодца к старому проходу, дальше к яблоне Анны Кузьминичны. Вчера подпись «двенадцать шагов» была деталью проекта. Сегодня стала мерой.

— Это Аннина яблоня? — спросила я.

Тамара Никитична кивнула на дерево у старого прохода. Оно было старше остальных: толстый ствол, неровная кора, ветви расходились низко, почти над головой. Яблоко под ним было меньше, но они лежали ещё аккуратнее — вдоль тропы, к сараю.

— Аннина, — сказала она. — Хотя по новой схеме, если верить комиссии, она почти свободная территория. Дерево, значит, свободное. Я бы на её месте обиделась.

— Деревья не обижаются, — сказала я.

— Очень удобно так думать тем, кто их пилит.

Настасья Петровна посмотрела на меня спокойно, но строго.

— Ты сейчас споришь не с Тамарой. Ты споришь с тем, что тебе не нравится.

Мне стало неловко. Я снова пыталась сделать всё аккуратным: ветер, зрелость плодов, наклон земли, старые ветви. Всё это было нужно. Но рядом стояла Тамара Никитична, для которой яблоня была не объектом, а частью жизни. И мои вопросы звучали так, будто я проверяла её саму.

— Простите. Я не считаю, что вы подгоняете факты.

— Считаете, — ответила Тамара Никитична. — Только культурно.

Олеся кашлянула, но не стала шутить. Хороший признак. Плохой для моего самолюбия, но хороший для дела.

Мы пошли дальше. Настасья Петровна попросила меня пять минут не писать. Я смотрела на траву, яблоки, просвет между сараем и деревом. Старый ход был виден: стёртая трава, стёсанный угол сарая, тёмное место на заборе от прежней скобы.

— Вот здесь, — сказала Тамара Никитична. — Видите камень?

У корня Анниной яблони лежал плоский серый камень, почти вросший в землю. Сначала он казался обычным. Потом я заметила, что трава вокруг него стёрта, а с одной стороны земля чуть ниже. Значит, через него часто перешагивали или рядом ставили ногу.

— По нему считали границу? — спросила я.

— По нему в нашей семье считали. Мой свёкор говорил: камень у Анны, дальше общий ход. Не забор, не спор. Ход. Пока ход есть, люди разговаривают. Как ход закрыли, сразу бумаги полезли.

— А на новой схеме камень где? — спросила Олеся.

Я достала распечатку, которую Олеся вчера принесла из салона. Сверилась по сараю и мастерской. Камень по новой линии оказывался за пределами участка, почти в зоне, которую комиссия называла свободной территорией.

— За границей, — сказала я.

Тамара Никитична фыркнула.

— Камень всю жизнь лежал у Анны, а теперь эмигрировал. Без чемодана, зато по схеме. Олеся посмотрела на яблоню.

— Надо ему вид на жительство оформить.

Я наконец записала: «Камень у корня Анниной яблони. Семейная граница фактического прохода. По новой схеме — вне участка». Тамара Никитична следила за моей ручкой так внимательно, что я стала писать медленнее.

— Не «семейная граница», — сказала она.

— А как?

— Не знаю. Но «семейная» звучит так, будто мы сами себе придумали. А ходили все.

Я зачеркнула.

— «Старый ориентир общего прохода».

— Лучше.

Настасья Петровна одобрительно хмыкнула.

— Вот. Спросила — исправила. Уже похоже на работу.

С ветки Анниной яблони упало яблоко. Оно стукнулось о землю, покатилося по траве и остановилось почти у камня. Через пару секунд второе сорвалось выше, ударилося о нижнюю ветку и легло дальше, по той же линии. Я посмотрела на небо. Ветер был, но слабый. Листья шевелились ровно, без резких порывов.

— Осень, — сказала я вслух, больше себе. — Плоды созрели. Ветер. Ничего невозможного.

Третье яблоко упало у сарая.

Олеся подняла палец.

— Я, конечно, городской специалист по волосам, но даже я вижу: двор намекает, что твоя версия про ветер должна хотя бы постараться.

— Ветер мог идти полосой между домами, — сказала я.

— Мог, — согласилась Настасья Петровна. — А мы смотрим, куда полоса ведёт.

Полоса вела к сараю, потом к заложённому окну мастерской. Не идеально, не линейкой, но достаточно ясно. Если соединить колодец, Аннину яблоню, камень, сарай и окно, получался старый маршрут, который новая схема разрезала на чужие куски.

Я достала ученическую схему. Настасья Петровна не отобрала карандаш, но стояла рядом, будто могла передумать. Я отметила яблоню Анны, камень, сарай и окно. Получилось почти то же, что на школьном листе, только без детского яблока с глазами.

— Возраст деревьев надо проверить, — сказала я. — Если посадочная линия старая, сад существовал до спорного переоформления. Тогда его сложнее представить поздним самозахватом.

— Каким ещё самозахватом? — Тамара Никитична сразу напряглась.

— Я не говорю, что он был. Я говорю, как это могут представить в споре.

— Вот видите? Уже представили. Сначала у нас был сад, потом вы его в самозахват записали, чтобы удобнее с ним бороться.

— Тамара Никитична, я пытаюсь заранее понять, что скажут против.

— А вы сначала поймите, что было за нас.

Она резко отвернулась и пошла к сараю. Олеся свистнула.

— Попала.

— Знаю.

— Нет, ты не просто попала. Ты ещё и аккуратно оформила попадание в тетради.

Я закрыла тетрадь. Настасья Петровна подошла ближе.

— Спрашивай меньше. Смотри больше.

— Но мне нужно понять.

— Понять — не значит сразу назвать. Слово иногда приходит раньше уважения.

Я закрыла тетрадь. Слово «самозахват» пришло раньше уважения, и Тамара Никитична это услышала.

Мы догнали её у сарая. Тамара Никитична открыла свою половину и достала старую тятку.

— Вот, — сказала она. — Видите ручку? Её мой муж менял. Двадцать лет назад, если не больше. Эта тятка стояла здесь всегда. Если бы сарай был самозахватом, он хоть раз попал бы в чужую бумагу честно.

— Я не буду писать это слово, — сказала я.

— Поздно. Оно уже пришло.

— Я напишу иначе. «Сад и сарай существовали до новой схемы. Проверить возраст деревьев и старые посадочные ведомости».

— Ведомости пусть будут. Деревья без них росли, но ладно.

Олеся заглянула в сарай.

— А тяпку тоже в доказательства? Она выглядит готовой дать показания.

— Тяпка даст по рукам, если трогать без спросу, — сказала Тамара Никитична. — Это её показания.

Напряжение отпустило. Мы прошли от сарая к мастерской. Низкая створка открылась нормально, новая калитка у сетки всё ещё стояла закрытой и перекошенной. Я отметила: старый проход доступен, новый путь затруднён.

У мастерской Настасья Петровна остановилась у заложённого окна. На старой фотографии окно было открытым, от яблони к нему шла дорожка. Теперь её можно было угадать по яблокам: они лежали перед стеной дугой, не доходя до обшивки.

— Отрезали здесь, — сказала я.

— Не отрезали, — поправила Настасья Петровна. — На бумаге отрезали. На земле пока шрам виден.

Олеся присела и подняла яблоко с тёмным пятном.

— Значит, линия яблок выводит сюда. К месту, где мастерская перестала быть частью двора.

— Похоже на то.

— Я бы сказала «яблочный навигатор», но Раиса Павловна меня потом отчитает за несерьёзность.

— И будет права, — сказала Тамара Никитична, но уже без злости.

Внутри мастерской телефон молчал. Зато земля, яблоки и старая схема указывали в одну сторону.

Я сфотографировала линию от камня к сараю и от сарая к окну. Потом, перед каждым снимком, спрашивала Тамару Никитичну, можно ли. Сначала она отвечала резко, потом кивала. На третьем снимке сама сказала:

— Отойдите левее. Оттуда камень видно.

Я отошла.

— Так?

— Ещё шаг. Только в крапиву не лезьте, она у нас без уважения к расследованию.

Олеся подняла руки.

— Наконец-то хоть одно растение в этом дворе ведёт себя нормально.

Когда мы вернулись к Анниной яблоне, Тамара Никитична наклонилась к камню и провела пальцем по его краю.

— Свёкор говорил, что камень старше дома. Может, врал. Он любил придавать себе древность через предметы. Но яблоню Анна сажала уже при нём. Это точно. Он ей яму копал, потому что она с лопатой плохо управлялась после болезни.

— Когда это было?

— Я не родилась ещё. Муж говорил — до войны или сразу после. У нас в семье даты хранились так: до пожара, после похорон, перед большой зимой. Нормальные числа никто не уважал.

— Можно проверить через агронома, — сказала я. — По возрасту дерева хотя бы примерно. И через старые посадочные ведомости, если в сельсовете сохранились.

— Агроном пусть смотрит. Только без пилы.

— Без пилы.

— И без слов, что дерево ничего не значит.

Я кивнула.

— Без таких слов.

Настасья Петровна проверила меня взглядом. Я кивнула Тамаре Никитичне: дерево могло не иметь прямой юридической силы, но подсказывало, где искать документ.

Мы сели на старую лавку у колодца. Олеся достала свой бутерброд и торжественно разделила его на четыре части с помощью маникюрных ножниц, которые, по её словам, «видели больше драм, чем районная администрация». Настасья Петровна отказалась от своей доли, но взяла яблоко из корзины. Тамара Никитична сначала сказала, что не голодна, потом всё же забрала кусок бутерброда и строго уточнила, не пострадал ли от ножниц санитарный режим.

— Значит, что у нас? — спросила Олеся.

Я открыла тетрадь, но теперь не стала читать списком. Посмотрела на двор.

— У нас есть линия. Колодец, яблоня Анны, камень, сарай, заложённое окно мастерской. Она совпадает со школьной схемой и со старой фотографией. По новой схеме линия разрезана, а часть оказывается как будто вне жизни двора.

— Как будто, — повторила Тамара Никитична. — Вот это хорошее слово. Потому что жизнь-то здесь.

— Нужно проверить возраст яблонь, старые посадочные записи и старые планы. И отдельно — почему мастерская в школьном проекте отмечена как часть дворового пространства.

— А если скажут, что всё это воспоминания пожилых людей? — спросила Олеся.

Тамара Никитична посмотрела на неё остро.

— Скажут. У них это любимое. Если человек старый, значит, помнит неправильно. А если бумага новая, значит, всё знает.

— Поэтому нам нужны не только воспоминания, — сказала я. — Но и не вместо воспоминаний.

Тамара Никитична задумалась. Потом вернула мне недоеденную четвертинку бутерброда.

— Пишите, как сказали. Это уже похоже на человеческий язык.

Я записала: «Не вместо воспоминаний». Подчеркнула один раз. Настасья Петровна ничего не сказала, но я заметила, что она довольна. У неё даже яблоко в руке стало выглядеть менее экзаменационно.

Мы ещё раз прошли линию и посчитали шаги: от колодца до камня, от камня до сарая, от сарая до окна. Числа отличались от ученической схемы, но направление совпадало. Участки имели бытовой смысл: от воды к дереву, от дерева к сараю, от сарая к мастерской.

У новой калитки снова заело замок. На этот раз ключ пробовала Тамара Никитична. Она повозилась, поджала губы и сказала, что замок «умный, но вредный». Старый проход открылся без капризов. Я записала проверяемое объяснение: старые замки, перекос калитки, влага после ночи. А ниже — факт: сбой повторяется при движении по новой схеме.

Когда мы вернулись к колодцу, с Анниной яблони сорвалось два яблока. Одно упало у камня, другое ближе к сараю. Тамара Никитична посмотрела на меня.

— Ну? Опять ветер?

Я посмотрела на листья. Они едва шевелились.

— Осень, зрелость, наклон ветвей, — сказала я. — И линия, которую надо проверить.

— Принимается, — сказала она. — Пока без двойки.

Телефон Олеся зазвонил как раз в тот момент, когда я закрыла тетрадь. Она посмотрела на экран и отошла к забору.

— Да, я помню про запись... Нет, сегодня не окрашивание, сегодня у нас земельная грусть... Что? Сейчас спрошу.

Она прикрыла телефон ладонью и повернулась ко мне.

— Валентина Егоровна пришла в салон. Там ещё Тамара Никитична нужна, но она уже здесь. Раиса Павловна не придёт, и они хотят поговорить без неё.

— Почему без неё? — спросила я.

Олеся слушала дальше, кивнула и убрала телефон.

— Потому что, когда Раиса Павловна рядом, двор сразу становится большим историческим делом. А Валентина Егоровна хочет сказать про переезд так, чтобы её не спасали от её же решения. Тамара Никитична, вас тоже ждут. По одному, без комиссии и без учительского взгляда.

Тамара Никитична нахмурилась.

— Это она так сказала?

— Про учительский взгляд — моя художественная обработка. Остальное почти точно. Настасья Петровна подняла корзину.

— Вот и хорошо. Землю посмотрели. Теперь людей слушайте.

Трёх дней уже не хватало, и я перестала делать вид, что успею уехать вовремя.

Я посмотрела на яблоню Анны, камень и яблоки вдоль старой тропы. Утром я хотела карту. К полудню у меня была линия двора, которую надо проверять через тех, кто по ней ходил.

Глава 7. Дом, который хочет уехать

Олеся не преувеличила: в её салоне Валентина Егоровна действительно ждала разговора, и вид у неё был такой, будто она пришла не за помощью, а за правом сказать неприятное без свидетелей с папками.

На столе стояли чашки, но чайник ещё не включали. Олеся, видимо, решила не начинать с гостеприимства, чтобы разговор не расплылся в сахаре, печенье и вежливых отступлениях. Она расставила стулья по кругу и убрала от зеркала расчёски, будто они могли вмешаться.

— Садитесь, — сказала она. — Правило одно: говорит тот, кто говорит. Остальные дышат, пьют чай и не спасают человека раньше времени.

— Это ты сама придумала? — спросила Валентина Егоровна.

— Нет. Жизнь заставила. Я раньше тоже думала, что, если паузу не заполнить, в неё упадёт потолок. Оказалось, иногда в паузе человек успевает договорить.

Я села с тетрадью и почувствовала, как рука тянется к готовым формулировкам. После яблочной линии у меня в голове складывалась общая картина: старая межа, школьный проект, странные согласия, приложение к решению. Хотелось связать всё в одну сильную позицию и идти с ней дальше. Но Валентина Егоровна сидела напротив и смотрела на мою тетрадь так, будто в ней легко можно потерять живого человека.

Мария Ивановна устроилась у окна. Она не вмешивалась, но её присутствие делало разговор тише. Не слабее, а именно тише: без желания победить.

— Я начну сама, — сказала Валентина Егоровна. — Чтобы потом мне не объяснили, чего я хочу.

Олеся кивнула и села на край кресла для стрижки. Нога у неё дёрнулась, она поймала себя за колено ладонью и замерла. Для Олеси это было почти подвигом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.